

Петрык Янина Юрьевна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОНИМАНИЯ В ФИЛОСОФИИ М. К. МАМАРДАШВИЛИ ("ЛЕКЦИИ О ПРУСТЕ")

В данной статье на основе "Лекций о Прусте" М. К. Мамардашвили анализируются "базисная метафора" "внутреннего путешествия" и "производные" метафоры "второго рождения", "вечно возвращающегося", "интермиттенции сердца", которые философ считает самыми продуктивными в описании "духовного поиска" и становления личности. В ходе анализа выявляется экзистенциально-психологический потенциал метафоры как инструмента выражения индивидуального восприятия мира и решения собственных жизненных задач.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/5/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(67) С. 154-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 124.5

Философские науки

В данной статье на основе «Лекций о Прусте» М. К. Мамардашвили анализируются «базисная метафора» «внутреннего путешествия» и «производные» метафоры «второго рождения», «вечного возвращения», «интермиттенции сердца», которые философ считает самыми продуктивными в описании «духовного поиска» и становления личности. В ходе анализа выявляется экзистенциально-психологический потенциал метафоры как инструмента выражения индивидуального восприятия мира и решения собственных жизненных задач.

Ключевые слова и фразы: базисная метафора; производная метафора; экзистенциальная метафора; герменевтика; философия М. К. Мамардашвили.

Петрык Янина Юрьевна, к. филос. н.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

p_yanina@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОНИМАНИЯ В ФИЛОСОФИИ М. К. МАМАРДАШВИЛИ («ЛЕКЦИИ О ПРУСТЕ»)

Постулируемый в XX веке «необычный» стиль философствования предполагал использование особых инструментов для экспликации философских смыслов. Метафора, как одно из подобных «особенных» средств, обрела свою научную легитимность в прошлом веке и стала полноправной частью языка философии. Обладая большими эвристическими возможностями, используя широкие ассоциативные комплексы, метафора упрощала процесс понимания философского текста, не примитивизируя его. Роль метафоры в современной философии не сводилась к простой остенсивной функции: метафора не являлась простой иллюстрацией идей, за ней очень часто закреплялась объяснительная функция «прояснения» существующих и даже порождения новых философских смыслов. Поэтому обилие современных теорий метафоры может быть организовано на основе выявления двух основных тенденций в понимании их функции: семантической и прагматической, в контекстах которых уместно делать выводы о различии в природе метафор. Семантическая линия состоит в признании того факта, что эффектом метафоры является образование смысла, а феномен метафоризации рассматривается как способ смыслообразования. Противостоящая ей прагматическая тенденция характеризуется сведением эффекта метафоризации к эстетической роли красоты или изящества текста и принципиальной невозможности созидания нового смысла в рамках метафизических конструкций. Однако общим основанием и существенной содержательной чертой метафоры, как таковой, является её богатый экзистенциально-психологический потенциал, благодаря которому на основе суггестии, обладая особой лаконичной выразительностью, метафора эксплицирует «личное знание», наделяя отвлеченные понятия жизненным содержанием, делая понятными и «близкими» человеку, воплощая индивидуальное суждение о непосредственно воспринимаемой реальности, способствуя его обновлению и развитию. Активизируя интенциональный аспект понимания, метафора обращается к внутреннему, жизненному опыту человека, характеризуя не определенный уровень знания субъекта, а работу сознания, то есть особое состояние сознания преобразующего мир «по законам духа». Подобный эвристический потенциал метафоры был широко востребован в философии М. К. Мамардашвили.

Увлеченный проблемой понимания, М. К. Мамардашвили, чьё философское наследие трудно назвать «стандартным», «отвлеченно-схоластическим теоретизированием» на заданные темы [3, с. 8], активно опирается на метафору. Метафора импонирует специфическому способу изложения материала самим философом и является действенным способом постижения истины. В работе «Лекции о Прусте» М. К. Мамардашвили не дает четкого определения метафоры, не структурирует представление о ней, и не выявляет возможных её классификаций (впрочем, не в этом состоит его основная цель), но имплицитно утверждает её высокий когнитивно-эмотивный статус. М. К. Мамардашвили неоднократно отмечает, что только «... наращивание стилистических образов и метафор, которые лучше, чем понятия помогут нам понять философию» [5, с. 18], есть спасение для любого философского текста. Метафора – это не «безразличные знаки», умирающие в коммуникации [Там же, с. 23], а значимый инструмент выражения индивидуального восприятия мира, к тому же пробуждающий в самом субъекте как интеллектуальную, так и эмоциональную активность. М. К. Мамардашвили рассматривает метафорический процесс поиска истины как продуктивную операцию, направленную на развитие личности, как процесс, который изначально не завершён и требует дополнительных усилий со стороны субъекта для своего истолкования: «философия должна реконструировать то, что есть, и оправдывать это» [Там же, с. 8], а «истинным может быть только то, что требует интерпретации...» [Там же, с. 244]. «Метафора... как особое устройство» [Там же, с. 256] помогает получить знание о субъекте и его духовном состоянии, так как само знание и понимание возникают, созидаются и повторяются в самом акте «извлечения» смысла из метафоры. Акт «извлечения» смысла есть способность «прийти в движение выражения», которому «выражаемое не предшествует». Для того чтобы понять, и «для того, чтобы воспринять, необходимо построить метафору... не как украшение воспринятого», а как «некий бессознательный костяк, покрытый нашими сознательно выбираемыми идеями... костяк, который как раз порождает то, что входит в содержание произведения» [Там же, с. 227]. Таким образом, М. К. Мамардашвили обращает внимание на то, что по своей

сути акт «извлечения» смысла не есть только лишь умозрительный акт. Метафора есть «выпадение из последовательности», это «абсолютно пригодный инструмент», благодаря которому происходит акт «извлечения» «подлинного впечатления». Таким образом, понимание посредством метафоры происходит на стыке теоретического и практического, духовного и телесного. Понимание не только истины мира, но и самого себя. Используя «тягучую вязь прустовского вербального потока» [2, с. 18], метафора представляется мыслителю средством описания действительности в её «непрерывной разнородности», сохраняя единство и не нивелируя различий. Для мыслителя очень важен особый эффект «понимательной среды» [Там же, с. 127], который создает метафора. Таким образом, метафора – это не только эстетическая и не сухая сугубо теоретическая конструкция, где строгая дефинитивность концептуальных моментов доведена до высшей степени абстракции, это экзистенциально-психологический акт, где мобилизован весь чувственно-эмоциональный комплекс личности, рациональное и чувственное, мыслительное и переживающее. Метафора для М. К. Мамардашвили обладает онтологическим, гносеологическим и экзистенциально-эстетическим смыслом. Она не просто дескриптивна и наглядна, она рефлексивна и глубока, аксиологична, экзистенциально-психологична и метафизична. Ценность нашей души не увеличивается в зависимости от ценности или величины тех событий, которые мы наблюдаем или воспринимаем. Никакие внешние события не в состоянии возвысить, не унижить человека, так как наиболее ценно именно то, что происходит внутри. Экзистенциально-психологический потенциал метафоры реализуется в том, что наиболее ценным является «воссоединение с самим собой» и с истиной в акте «извлечения» смысла. Метафизический аспект данного рассуждения состоит в утверждении того, что человеческое предназначение не исчерпывается и не ограничивается внешними условиями и пределами нашей жизни. Человеческая жизнь всегда шире и глубже человеческого разума, метафизикой в этом значении является то, «чему... нельзя полностью придать смысл» [5, с. 35].

Анализируя творчество М. Пруста, М. К. Мамардашвили создает целую галерею метафор, помогающих выстроить истину о мире и самом себе. Структурируя данные метафоры, уместно разделить их на «базисные» и «производные» [8, с. 20], дифференцируемые по внутреннему содержанию. «Базисные», или субстанциональные, определяют способ рассмотрения универсума, обладают способностью задавать методiku понимания какой-либо предметной области и устанавливать многообразие способов построения понимания, располагая при этом «ассоциативной гибкостью», а «производные» метафоры буквально умножают и уточняют смыслы основополагающих метафор. «Базисные» метафоры – это архетипический способ освоения мира, его концептуальное, творческое и репродуктивное понимание, помогающие не просто понять, но «встроиться» в порядок мира. Базисная метафора, структурируя и определяя наше видение реальности, выполняет мировоззренческую функцию. Метафора, в данном случае, действительно обладает гибкостью и многосторонностью, «не останавливая движение мысли», соединяет универсальность высказывания с возможностью персональной интерпретации, являя единство рационально-чувственного понимания и аксиологически ориентированного осмысления мира. Подчеркивая важность данных основополагающих метафор, М. К. Мамардашвили напоминает основной постулат, изложенный в работе «Как я понимаю философию»: ценить надо собственное впечатление и собственное размышление [4, с. 187]. Тот, кто мыслит, полагаясь на авторитет, сдерживая свой собственный ход мысли, не только не застрахован от ошибок, но его путь будет чреват ими. Мышление – продукт самостоятельного поиска истины, а метафора в данном случае важная помощница в понимании «хода мысли». Таким образом, анализируя «Лекции о Прусте», можно сделать вывод о том, что базисная метафора в философии М. К. Мамардашвили – это онтологический каркас, обрастающий экзистенциалами – глубокими смыслами человеческого бытия.

Основной «базисной» метафорой М. Пруста, полагал М. К. Мамардашвили, явилась метафора «*внутреннего путешествия*», которая мыслится философом, по меткому замечанию В. Подороги, «идеальной познавательной моделью» [2, с. 131]. Данная метафора означает внутреннее «путешествие в глубины своей души» [Там же, с. 14], «движение в глубь» [Там же, с. 98] самого себя. Подобное путешествие есть путешествие особого рода. Оно не есть перемещение в пространстве, не есть путешествие реальное, – это мистическое и символическое путешествие в глубины собственной души, дабы изучить её внутреннюю географию и «понять» самого себя. Подобное «путешествие», повествует М. К. Мамардашвили, сопряжено с тремя психологическими «механизмами», которые препятствуют «самопониманию»: «ленью», «страхом» и «надеждой» [Там же, с. 13]. Данные экзистенциалы «нормообразуют» человеческое существование, в том смысле, что являются своего рода «онтологической призмой», сквозь которую преломляются смысложизненные вопросы. М. К. Мамардашвили особо подчеркивает, что в данном случае речь идет не о психологических эмоциях, страстях или личностных смыслах, в субъективной форме которых эмпирический индивид переживает своеобразие своих собственных впечатлений, но об общезначимых для людей модальностях человеческого существования. Подобные экзистенциалы высвечивают человеческую жизнь во всей её трагичности и проблематичности, неопределенности и антиномичности, имманентной потенциальности и перманентной провокационности. М. К. Мамардашвили намеренно фиксирует так называемые «негативные экзистенциалы», которые вносят раскол в структуру взаимосвязи человека с действительностью. «Лень», «страх» и «надежда» [Там же] обладают различными измерениями бытийной мощи, не одинаковой степенью онтологической глубины, однако наиболее «аутентично» воплощают «преграду» понимания.

«Негативные экзистенциалы», упомянутые М. К. Мамардашвили, выражают модусы бытия человека в мире в неразрывной связи с бытием человеческого сознания, на которые невозможно «указать пальцем» или просто увидеть извне при отсутствии соответствующего жизненного опыта. Подобные «негативные экзистенциалы» могут быть только пережиты, и тогда «поняты», то есть, восприняты лично «мною», и не подлежат формализации. Это «мой» страх, «моя» лень и «моя» надежда.

Экзистенциал «лень» [Там же] описывается М. К. Мамардашвили как «откладывание» на завтра, перекладывание на плечи другого – ближнего, государства, нации, той собственно личностной задачи, которую исполнить может только сам человек. Это извечное и, к сожалению, свойственное человеку стремление не углубляться «в экзистенциально важное впечатление», желание не думать, не осознавать и даже склонность к тому, чтобы «прочитать в книге» или «послушать, как это расскажет другой», но только не делать этого самому.

Экзистенциал «страх» [Там же, с. 14] – обязательное фундаментальное условие экзистенции, вовсе не поверхностное переживание человека и не менее печальный для него психологический механизм, нежели «лень». М. К. Мамардашвили в процессе самопонимания толкует «страх», как «страх узнать», как на самом деле обстоят дела. Человек сознательно парализует внутреннее пространство, специально надстраивает некие конструкции, которые «не позволяли бы видеть».

И наконец, экзистенциал «надежда» [Там же, с. 15] мешает человеку решиться начать движения в глубину души, так как человеку свойственно надеяться на то, что все еще обойдется, и можно будет продолжать жизнь, как ни в чем не бывало, потому что «длительное внутреннее путешествие», несомненно, весьма мучительная и болезненная процедура.

Содержательный анализ базисной метафоры «внутреннего путешествия» фиксирует диалектичность и амбивалентность самой человеческой жизни, выявляя не только противоречивые импульсы человеческой природы, её эмотивность, но помогая осознавать и нести ответственность за них.

«Наращивание стилистических образов и метафор» помогает понять основную мысль М. Пруста, поэтому, полагает М. К. Мамардашвили, к базисной метафоре «внутреннего путешествия» с необходимостью присоединяется «производная метафора» – *метафора «второго рождения»* [Там же, с. 158]. Данный концепт был упомянут в работе М. К. Мамардашвили «Картезианские размышления», однако именно в «Лекциях...» он получает глубокое семантическое развертывание. Мыслитель пишет о том, что человек всегда рождается дважды: первый раз биологически, от матери и отца, появляется на свет, а второй раз – лишь «пройдя собственный путь», обретая свою сущность, становясь человеком. Для М. Пруста, полагает М. К. Мамардашвили, метафора «второго рождения» раскрывает существенный аспект его понимания жизненного пути человека. «Второе рождение» – это не просто участие в чем-то общем, участие или безразличие, насыщенность или скудость жизненных позиций, это «ангажированность» в человеке, которому в состоянии открыться мир. Это весьма существенное дополнение ввиду того, что мир открывается не всякому, даже если человек этого очень сильно захочет. «Ангажированный» с этих позиций человек, это тот, который «решился жить», поставил себя на карту, который ежеминутно и ежесекундно совершает усилие жить. Подобный человек прекрасно понимает, что ничего невозможно откладывать на завтра, исходя из этического постулата, озвученного М. К. Мамардашвили в работе «Как я понимаю философию»: на вчерашней добродетели нельзя пристроиться спать [6, с. 276]. Добродетель «вчерашней» не бывает, она всегда новая и заново обретаемая, причем обретаемая в результате перманентного личного духовного усилия. Ангажированный человек понимает «неявные» законы мироздания и живет не в силу привычки, потому что так живется, «не приподнимая её вуали» («вуали привычки»), а живет напряженно, переводя знание о мире в собственное событие, в то, что «случается» лично с ним. Знание и понимание ангажированного человека, которому «готово открыться бытие», не есть рассудочный акт, это событие и явление, которое только еще должно стать событием и не сводится к тому, что нам просто дано. Личное знание и понимание – настолько же индивидуальный и личный акт, как умирание, «одноличный акт», не совпадающий с тем, как организована цепь передачи знаний. Понимание, таким образом, которое осуществляется человеком, – это уникальный, «незаместимый и невыводимый» факт, так как знание только еще должно стать знанием, его еще нужно узнать, и это «узнавание» должно произойти в качестве события, у которого есть свои условия. Понимание – не есть внешнее событие (всегда внутреннее), и оно не есть усвоение внешнего содержания. Понимание – не есть то, что может быть описано внешним и сторонним наблюдателем, это то, что «случается со мной лично». Подобное апофатическое толкование концепции понимания М. К. Мамардашвили находит наиболее приемлемым, объясняя позицию М. Пруста.

Понимание человека, как и вообще того, как работают структуры его сознательной жизни, во многом зависит от *воображения*. Именно усилием воображения человеку открывается мир. Это не логическое рациональное суждение о мире, это мистический акт «встречи» с вещью, которую человек стремится понять. «Мистический акт встречи» [4, с. 267] с вещью указывает на генетический код романтизма и символизма во французской культуре. Это не есть «рационация», как пишет М. К. Мамардашвили, в восприятии субъектом вещи, а именно «переживание» встречи с вещью [Там же, с. 262], ощущение и чувственность, рождающиеся не от прямого прикосновения руки к предмету, но от «соприкосновения» и «переживания» предмета душой [1], как мистическое прозрение первоосновы бытия, его духовной субстанции, механизм которого не может быть описан рациональными методами. Должен быть раскрыт внутренний мир субъекта, обнажающий эмоциональное, интуитивное, бессознательное, в котором будут разрушены границы между субъективным и объективным, духом и плотью, возвышенным и низменным, а сам человек откажется от рационально-нравственного отношения к действительности и целиком отдастся фиксации непосредственных, сиюминутных впечатлений [Там же]. Подобная мистическая встреча с вещью имеет особую природу, сродни магии и даже экстазу, так как, если подобная «встреча» с вещью не случится, и человек просто пройдет мимо неё, то эта вещь так и останется «мертвой» для него. Однако если эта встреча состоялась, то уже безразлично с какой точки человек начнет узнавать эту вещь. Так как всё уже насыщено этой встречей, а «воссоединение с истиной уже произошло» [4, с. 263]. Воображение в данном случае – существенный компонент работы метафоры не просто ввиду «укорененности» во французской культуре со времен символизма элементов «экстатического прорицания» или «ясновидческих прозрений» [1], а ввиду того, что воображение помогает связывать неустойчивые текущие эмпирические явления, подчинять их с высокой степенью внутренней

закономерности и порядку, где действуют бесконечные цепочки причинных связей. М. Пруст, как и французские символисты, как в свое время Р. Декарт и толковавший его философию в своем русле М. К. Мамардашвили, имели в виду не столько каузально-детерминистскую (подлежащую ведению науки), сколько «аналогическую» структуру универсума, ключ к которой находит воображение. Воображение рождает новую логику, посредством которой утверждается существование некоей «непреложности», «необходимости», управляющей миром и не дающей ему рассыпаться на бесчисленное множество осколков-феноменов. Именно в воображении возможна связь между такими образами и символами, которая в реальности отсутствует. Эти образы и символы можно поменять местами, а эффект останется и будет достигнут сочетанием оппозиционных эмоций и элементов, соединением фактически несоединимого.

Наряду с воображением, еще одним существенным элементом «миропонимания» является *имитация*. М. К. Мамардашвили глубоко убежден в том, что М. Пруст предостерегает читателей от разного рода ошибок в восприятии мира. Например, понимание может не состояться не только ввиду того, что человек не приподнимает «вуаль привычки», но и оттого, что «афористические фразы» для украшения стиля, которые использует человек и которые на самом деле содержат глубокие истины, просто «игнорируются», то есть человек не «вдумывается» в них. Именно таким образом, полагает мыслитель, и рождаются «плоские истины» – без переживания и рефлексивного анализа. Человек, который лишен сознательного осмысления, погружается в мир *имитаций*. Подобное состояние М. Пруст именуется «удвоением мною непонятого состояния». Это ситуация не личностна и не уникальна, а значит в подобной ситуации невозможно и понимание, так как понимание всегда отмечено знаком индивидуального состояния, а «появление истины означает... игру разницы между физическими качествами предметов и их действительным смыслом» [4, с. 78]. Мир имитаций весьма опасен для человека. М. К. Мамардашвили для прояснения позиции автора вводит еще одну «производную» метафору – *метафору «вечного возвращения» или «движения назад»* [Там же, с. 18]. Для того чтобы не впасть в мир имитаций, необходимо постоянно устремляться к прошлому, «раскручивать, восстанавливать», интерпретировать совершенное. Существует множество событий и актов нашей жизни, производя которые человек оказывается не в состоянии осознать видимых причин или мотивов их свершения. Поэтому так необходимо вечное «движение назад», возвращение для осознания события. М. К. Мамардашвили пишет: «...как бы мало не длилось событие, в котором мы участвуем, даже несколько секунд нашей жизни сразу после рождения достаточно, чтобы у нас была работа, чтобы нужно было идти назад» [Там же, с. 123]. Это и есть, полагает мыслитель, акт «удержания мысли», трансцендентальная операция возврата к самому себе, повторение самого себя (освещаемое также в метафоре «*внутренней часовни*» [Там же, с. 291]). М. К. Мамардашвили пишет: «Есть в мире что-то, возможное восприятие чего построено так, что в нем остается пустая ячейка, которую я должен заполнить, и только я могу это сделать» [Там же, с. 235]. Подобная позиция свидетельствует вовсе не о фатализме или тотальной детерминированности в человеческой жизни, а, напротив, об акте индивидуации. «Пустая ячейка» указывает на то, что поступок человека, его восприятие и понимание – это «незаместимое событие», которое никогда не может за человека сделать некто другой. Если человек не занял эту, отведенную только для него одного ячейку, то никто уже не сможет занять её за него. Таким образом, акт «понимания» высвечивается М. К. Мамардашвили только в этом контексте. Понимание – это то, что происходит «здесь и сейчас» и только с тобой. Другой не извлекает смысла вместо тебя, и если что-то не извлеклось – то это и есть «утраченное», потерянное время, которое невозможна восстановить, а если что-то не заполнено собственным деянием, то это что-то заполняется иллюзией, а пустота заполняется «заблуждением».

Еще одной производной метафорой является «физиологическая метафора» «перебоя сердца» – того, что М. Пруст именуется «*интермиттенцией сердца*» [Там же, с. 69-70]. Подобная метафора, как оценивает ее В. Подорога, свидетельствует о пространстве мысли, выражает стратегию «строительства мыслительного пространства» [Цит. по: 2, с. 132]. Наличие различных пластов нашей собственной души предполагает то, что любой понимаемый нами текст будет являть собой палимпсест – рукопись, на которую одновременно нанесено множество слоев, которые следует различать, так как в каждом слое существует собственный оттенок мысли, улавливаемый нами одновременно. Человек также должен быть понят, как палимпсест, так как он никогда не распоряжается целиком теми способностями, которые у него есть, он только лишь в состоянии «привести их в движение», сочетать их в последовательности. М. К. Мамардашвили, рассматривая феномен «интермиттенции сердца», полагает, что М. Пруст указывает на наличие «многих “Я”» в человеческой личности. Однако в каждый данный момент есть «Я», которое актуализируется и является в единственном числе.

И наконец, в «Девятой лекции» о Прусте мыслитель рассуждает о парадоксальности «духовного поиска» и становления личности. Загадка данного процесса по М. Прусту состоит в том, что человек переживает, испытывает и ощущает нечто только тогда, когда все испытанное, пережитое, воспринимаемое и ощущаемое уже понято, а потом и прочувствованно. Именно в этом смысле следует понимать высказывание Пруста о том, что человек познает нечто «много времени спустя» после события. Автор использует термин не «понять», а «создать» или «сотворить» – понятия, которые наилучшим образом проясняют его мысль: чтобы нечто чувствовать или испытывать необходимо уже «создавать» или порождать мысль. То, что не порождено собственной мыслью, не может быть понято.

Резюмируя ранее сказанное, можно сделать вывод о том, что понимание, действительно, сугубо личностный процесс: то, что не «прошло» через собственное мышление, «не понимается» субъектом. В данном случае, полагает М. К. Мамардашвили, М. Пруст фиксирует наше внимание на самом акте рождения истины, которая, во-первых, абсолютна, а во-вторых, является внутренним достоянием человека. Постигание мира происходит изнутри, а не в статусе внешнего, стороннего наблюдателя. Поэтому метафоры, описанные М. К. Мамардашвили, имеют универсальную природу, помогая осознавать истину в себе каждому человеку. Рассуждая о роли

метафоры, М. К. Мамардашвили отмечает эмоционально-экспрессивный эффект, выявляет экзистенциально-психологический характер метафоры, где базисные метафоры вызывают производные, которые в свою очередь обуславливают привлечение целого ряда новых метафор, ведь «абсолютные элементы являются условием существования относительных определений» [4, с. 311]. Акт понимания, как таковой, – бесконечен, так как «мы имеем дело со значениями, которых нет, если их не извлечь, содержание их не отделимо от извлечения» [Там же, с. 206], но благодаря экзистенциально-психологическому потенциалу метафоры возникает сложная многоуровневая иерархия связей и отношений, способствующая акту понимания самого себя и являющаяся фундаментальным условием понимания других вещей, где понимание осуществляется не только посредством сугубо логического мыслительного аппарата, но и за счет активизации имагитивных и эмотивных ресурсов субъекта.

Список литературы

1. **Косиков Г. К.** Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон [Электронный ресурс]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/kosikov-simvolisty-i-lotreamon/simvolisty.htm> (дата обращения: 06.04.2016).
2. **Кругликов В. А.** Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили, 1992 год: научные статьи, интервью, дискуссии / редактор-составитель В. В. Кругликов. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1994. 240 с.
3. **Мальшикина Н. А.** Философское учение М. К. Мамардашвили о человеке и обществе: автореф. дисс. ... к. филос. н. Чебоксары, 2005. 30 с.
4. **Мамардашвили М. К.** Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1992. 410 с.
5. **Мамардашвили М. К.** Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: AD MARGINEM, 1995. 547 с.
6. **Мамардашвили М. К.** Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.
7. **Полозова И. В.** Глубинные основания метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2004. № 3. С. 70-85.
8. **Полозова И. В.** Метафоры в философии постмодернизма // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2003. № 2. С. 13-29.
9. **Полозова И. В.** Онтологические основы метафоры // Философские науки. 2003. № 4. С. 51-63.

**EXISTENTIAL-PSYCHOLOGICAL POTENTIAL OF METAPHOR AS A TOOL
OF UNDERSTANDING IN M. K. MAMARDASHVILI'S PHILOSOPHY (“LECTURES ON PROUST”)**

Petryk Yanina Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuban State University
p_yanina@mail.ru

In the article on the basis of “Lectures on Proust” by M. K. Mamardashvili the author analyzes the “basic metaphor” of “inner journey” and the “derivative” metaphors of the “second birth”, “everlasting return”, “heart intermittence”, which the philosopher considers the most productive in the description of “spiritual search” and a personality’s formation. As a result of the analysis, the existential and psychological potential of the metaphor as a tool of the expression of the individual perception of the world and the solution of one’s own problems in life is identified.

Key words and phrases: basic metaphor; derivative metaphor; existential metaphor; hermeneutics; philosophy of M. K. Mamardashvili.

УДК 130.2+114+140(510)

Философские науки

Статья раскрывает сущность нового для отечественной синологии понятия китайского «социокультурного пространства». Основное внимание авторы уделяют анализу точек зрения на сущность социокультурного пространства современного Китая, его структурно-функциональные характеристики и формы проявления. Приводятся аргументы, свидетельствующие о наличии тенденции «расширения» китайского социокультурного пространства через распространение в региональное пространство других социумов ценностей своей «мягкой» и «твердой» силы. Представлен понятийный каркас объективации китайского социокультурного пространства: регион, внешняя и внутренняя регионализация КНР, новый китайский регионализм.

Ключевые слова и фразы: социокультурное пространство; внутренняя регионализация; внешняя регионализация; культура; мягкая сила; новый регионализм.

Пивоваров Дмитрий Анатольевич

Абрамова Наталья Андреевна, д. филос. н., профессор
Забайкальский государственный университет
dpmoskva1@mail.ru; abramova3@mail.ru

**КИТАЙСКОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ В НАУЧНЫХ КАТЕГОРИЯХ**

Социокультурное пространство как научная категория особенно активно разрабатывается в последнее десятилетие XXI века. Коллектив Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН